

Тернопільський державний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка
Лабораторія славістичних і методологічних студій

STUDIA METHODOLOGICA

Випуск 12

Альманах видається з 1993 року

ТЕРНОПІЛЬ
2002

ЗМІСТ

МЕТОДОЛОГІЧНІ СТУДІЇ

А.Глотов (Тернополь). Литература и государство или Государство и литература?...3	
Л.Телиженко (Сумы). Мистический опыт духовной практики исихазма: синергетический подход.....12	12
М. Глотов (Тернопіль). Вибори 1927 року до органів місцевого самоврядування у східній Галичині: політико-правовий аналіз.....17	17

ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧІ СТУДІЇ

М. Ткачук (Тернопіль). Естетичні пошуки українських поетів 20-х років ХХ ст.....26	26
І.Курант (Тернопіль). Художня модель світу в поезії Михайла Драй-хмари.....43	43
Г.Чумак (Тернопіль). Теорія літератури Т.С.Еліота: джерела і концепти.....49	49
Г. Деркач (Тернопіль). Оскар Уайльд про літературну критику.....64	64
О. Ткачук (Тернопіль). Наративна стратегія малої прози Михайла Яцківа.....68	68
В.Букачик (Тернопіль). Оповідна структура повісті Богдана Лепкого “Сотниківна”: наративна модальність.....76	76
М. Дем’янюк (Хмельницький). Внутрішній монолог як засіб відображення духовних пошуків в оповіданні А.П. Чехова “Чорний монах”.....81	81
О.Костецька (Тернопіль). До проблеми жанрового розмежування прози Б.Лепкого.....90	90
В. Мاستиляк (Тернопіль). Сучасні уявлення про фантастику як різновид літератури.....93	93
Л. Юрчишин-Біловус (Тернопіль). Ремінісценції як компонент інтертекстуальності тексту поезій Василя Стуса.....100	100
Б.Чуловський (Тернопіль). С. Гординський і В. Мисик: дві перекладних версії одного вірша Ф. Гельдерліна.....104	104
Н.Грицак (Тернопіль). З історії сприйняття художнього твору в російському літературознавстві.....108	108
М.Шимчишин (Тернопіль). Творчість Еліс Уолкер у контексті афро-американського феміністичного дискурсу.....114	114

ФОЛЬКЛОРИСТИЧНІ СТУДІЇ

Т.Цимбал (Львів). Локальні особливості лемківського весільного обряду.....117	117
---	-----

РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

О.Папуша (Тернопіль). Дитяча література: на шляху теоретичного самоусвідомлення (Славова М. Попелюшка літератури. Теоретичні аспекти літератури для дітей - К., 2002. - 81 с.; Славова М. Волшебное зеркало детства. Статьи о детской литературе. - К., 2002. - 92 с.).....124	124
Л.Вашків (Тернопіль). „Місцин тут доволі для роздумів...” (Василь Махно „Плавник риби”. — Івано-Франківськ, 2002).....130	130

Альманах внесено до Переліку фахових видань
ВАК України №5 від 10.05.2000 за спеціальністю “філологія”.
Публікації в альманасу визнаються фаховими
ВАК України згідно наказу №2-01/10 від 13.12.2000 за спеціальностями
“філософія”, “соціологічні та політологічні науки”.
Друкується за рішенням Вченої ради ТДПУ ім. В. Гнатюка.

Науково-редакційна рада

Зд.С.Адамчик, М.Братасюк, С.Букчин, О.Глотов, Р.Гром'як, В.Зуєв, В.Кравець, Е.Касперський, М.Лабашук, О.Лещак (головний редактор),
І.Папуша (відповідальний редактор), І.Пасько, В.Сердюченко, Ю.Ситько, С.Ткачов, Г.Тиртова, І.Удварі, М.Чаркіч, Я.Ядацький, В.Ярошовець.
Адреса редакції: 282027, Тернопіль 27, а/с 554.

E-mail: narrator@tern.ukrpack.net; glotov@tspu.edu.ua

Редакція не завжди поділяє погляди авторів. Матеріали друкуються мовою оригіналу

**ТЕОРЕТИЧНІ ПРОБЛЕМИ
МЕТОДОЛОГІЧІ СТУДІЇ***Александр ГЛОТОВ*

©2002

**ЛИТЕРАТУРА И ГОСУДАРСТВО
ИЛИ ГОСУДАРСТВО И ЛИТЕРАТУРА?**

(Статья первая)

В начале было Слово
Евангелие от Иоанна 1, 1

Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы
А.С. Пушкин

I.

Литература практически с самого начала своего существования была многофункциональной. Причём эстетический ее аспект большинством читателей, по сути, никогда не воспринимался. История литературы (да и всего искусства) знает массу примеров того, как эстетически неоправданные произведения бывали объектом возвеличивания, восхищения, подражания, заимствования, чем вызывали у последующих поколений исключительно недоумение. Читатель в момент восприятия литературного текста испытывает огромное количество объективно не учитываемых факторов воздействия на сознание, среди которых эстетический момент осознаётся незначительным количеством читателей профессиональных. Любой школьный учитель знает, что добиться внятного и эстетически предполагаемого ответа на вопрос «Чем вам понравилось это произведение?» бывает практически невозможно. Между тем вся наука о литературе, с древности и до наших дней, построена именно на базе того, что текст литературного произведения отличается от любого другого текста своей эстетической насыщенностью, что «литература мыслит образами», что художественный текст есть самодостаточный артефакт и тому подобном.

Отступления от этого правила достаточно редки. Так, например, выстраданным откровением звучит явно чужеродное для статьи академика Н.И. Конрада о древнекитайской литературе вкрапление, в котором литературовед размышляет о связях и противостояниях текста как такового и текста художественного: «*Материал у словесности и литературы один и тот же — человеческое слово. Произведение как словесности, так и литературы возникает тогда, когда слово становится искусством. В этом аспекте словесность и литература идентичны. Но они различны в своем общественном существовании: словесность возникает с того времени, как человек начинает создавать культуру и жить её жизнью; литература начинает существовать с того момента, когда словесные произведения превращаются в особую*

отрасль общественной жизни и деятельности, когда они начинают выполнять свою собственную общественную миссию, т.е. когда словесное творчество получает значение особой социальной категории. Видимо, знаком этого момента служит появление в языке понятия “литература”».[1] Воистину, sapere aude, осмелюсь быть мудрым, как предлагал Гораций. Хотя умудрённость эта, по сути — возвращение к первоначальному, не замутнённому избыточным знанием, представлению.

Литература как носитель исторической памяти, литература как воспитательное средство для формирования национального самосознания, литература как «учебник жизни» и тому подобное — вот, конечно, не все, но основные моменты, которые воспринимаются обыденным сознанием при попытке сформулировать своё отношение к литературе.

Каждый из них, несомненно, существует как функция литературы, каждый имеет своё воплощение в тех или иных точках соприкосновения художественного текста с читателем, каждый имеет свою рецепцию. Тут, разумеется, впору воскликнуть: «Пусть погибнут те, кто раньше нас высказал наши мысли!», поскольку всё это очевидно. Но очевидность эта диалектична. Речь идёт, в конечном счете, о выборе точки зрения на литературу. Перечень научных подходов к анализу литературного текста на сегодняшний день настолько обширен, что без специального намерения сделать это взглядом этот перечень не обшаришь.

Однако, есть одна очевидность, которая странным образом постоянно ускользает из поля зрения литературоведов. Хотя в частных случаях они то и дело вынуждены её касаться, но никто пока что даже не попытался эти частности обобщить. Ни в одном из известных нам справочных литературно-теоретических изданий не поднимался вопрос о взаимоотношениях литературы и государства². Эта проблема может быть названа и иначе: «художник и власть», «поэт и царь» и тому подобное.

Общественно-политические науки тоже не вникают в эту контroversию. Юриспруденция ограничивается общим абстрактным требованием к демократическому типу государства обеспечить свободу творчества как таковую и свободу творческих объединений граждан в частности³. Государствоведение, исходя из идеи первичности

¹ Конрад Н.И. Древнекитайская литература //История всемирной литературы. В 9 т. Т.1. — М.: Наука, 1983. — С. 151.

² Есть, правда, среди постструктуралистов некоторые авторы (Ж.Делез, Ф.Гваттари), которые «выдвинули понятие “шизофрения” как основное освободительное и революционное начало личности в ее противостоянии «больной цивилизации» капиталистического общества. “Подлинный” художник, по их представлению, неизбежно “шизоидная личность”, в своем неприятии общества он приобретает черты “социального извращенца” (*Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США: концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. — М.: Интрада — ИНИОН, 1999. — С.156*). То есть, только став сумасшедшим, можно в искусстве как-то противостоять государству. Такой вот безотрадный вывод. А составитель «Словаря культуры XX века» В.П.Руднев обратил внимание на эту проблему, только заговорив об анекдоте и его типичном герое-трикстере как необходимом посреднике между официозом власти, которая всё знает, и интеллигенцией, которая во всём сомневается (*Руднев В.П. Словарь культуры XX века. — М.: Аграф, 1999. — С.27-28*). Так литературоведение и балансирует: между безумием и кукишем в кармане.

³ Так, например, трактует понятие «культурные права» современная юридическая энциклопедия: «Свобода литературного, художественного, научного и технического творчества и право на результаты своей творческой деятельности имеют в виду создание условий для наиболее полного выявления своих творческих способностей и призваны обеспечить гражданам... : возможность проводить свободные, то есть неконтролируемые государством и другими структурами, научно-технические исследования, занятия литературной, художественной и какой-либо иной творческой деятельностью...» (*Юридична енциклопедія: В 6 т. — К.: “Укр.енцикл.”, 2001. — Т.3, С.431*). Любой бывший советский гражданин «с глубоким

значения государства для жизнеобеспечения его членов, утверждает, что «*в сферах экономических, социальных, политических отношений, духовной жизни общества в современных условиях ни в одной стране не существует такого общества, которое полностью независимо от государства*»[4], стало быть, и говорить тут не о чем: все мы живы только благодаря родному отечеству и должны соответственным образом это мироощущать. Появилась новая наука, наука о власти, или кратология, она вперила было свой взор в болезненный для нее участок (еще бы не болезненный, сколько крови попортили власть имущим все эти борзописцы), но тут же академически решила остаться «над схваткой»: «*Это — область так, пожалуй, и не получившая до сих пор глубокого всестороннего освещения и ждущая своих исследований*».[⁵] Что, впрочем, и верно: не получившая.

А может, и правы литературоведы, пусть литература будет сама по себе, таким себе *status in statu*⁶, а государство — само по себе. А встречаться они будут на какой-нибудь нейтральной территории. Но тут могут возразить собственно писатели: Данте Алигьери, вмешавшийся своим в общем-то вполне художественным произведением в актуальную политическую свару гвельфов и гибеллинов; Николай Некрасов, выдвинувший известный тезис «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»; Евгений Евтушенко, возвестивший *urbi et orbi*, что «поэт в России — больше чем поэт» и многие другие.

II.

Литература как общественный феномен начиналась с идеи некоего противостояния автора произведения и общества. Автор стремился внедрить в общество свои мысли, мысли эти были новыми (а иначе — зачем они), общество, стремясь, в свою очередь, сохранить исторически сложившиеся устои, всячески противилось этим новациям. Иногда автор со временем убеждал общество, что его идеи правомерны — и тогда менялись устои. Иногда общество успешно противостояло и отстаивало свои устои.

Теоретически можно представить себе личность (творца), который задался целью быть полностью независимым от государства. Он пишет что хочет, но тогда, теоретически, он может написать и такое, что вступит в противоречие с действующими в данном государстве законами, например, с определенными ограничениями на пропаганду насилия, расизма, свержения существующего строя и т.п. Тогда государство может применить к данной личности как к гражданину этого государства (иностранцу, лицу без гражданства) меры по ограничению его личной свободы. И он уже будет не независим. Можно возразить, что такое государство, такой государственный строй, который позволяет себе посягать на личную свободу граждан (а особенно — в части их убеждений), не должен существовать и потому хотя бы только ради этого надо стремиться его изменить. Но тогда надо разрешить пропаганду любых взглядов. Любых. В том числе — в художественной форме.

Писатели, пережившие эпоху тоталитаризма, сокрушаются теперь, что они иногда поддавались конформизму, уступали существующему режиму для того, чтобы сохранить себя и физически, и идеологически. Но вместе с тем они признают, что это отнюдь их не украшает, что были и другие, негиббимые, которые не шли на сделку с собственной совестью, заплатились за это жизнью, но остались в памяти потомков «призывом гордым к свободе, к свету». То есть, как бы признается, что в принципе идея полной духовной независимости может быть реализована. Реализована за счет отказа от

пониманием» отнесется к такого рода благим пожеланиям, особенно в части — «других структур».

⁴ Чиркин В.Е. Государствоведение. — М.: Юристъ, 1999. — С.71.

⁵ Халипов В.Ф. Введение в науку о власти. — М.: Технологическая школа бизнеса, 1995. — С.315.

⁶ Государство в государстве (лат.)

независимости физической. Академик Сахаров был заточён в Горький, но взглядов своих не изменил. Александр Солженицын был выслан за пределы родины, но продолжал бороться. Василь Стус был отправлен в мордовские лагеря, но антисоветские стихи писать не бросил. И тому подобное.

Нет резона углубляться в философские нюансы понятия «полной духовной независимости», где можно было бы порезонёрствовать на тему влияния данного государства, его понятий, устоев, идеологических постулатов на само содержание взглядов этих действительно негибких борцов. Речь идет о том, что эти борцы боролись против конкретного государства, предлагая его, именно это государство, видоизменить, но отнюдь не против идеи самого государства. Они мечтали о таком государстве, которое бы реализовывало их выстраданные понятия о социальной, национальной, политической справедливости.

Любое государство начинается с аппарата принуждения. Если в государстве нет армии, полиции, прокуратуры, суда, пенитенциарной системы, пограничной службы — государство просто перестаёт существовать. А если есть аппарат принуждения, то он используется против тех граждан, которые нарушают закон. А закон, в свою очередь, это — перечень того, что делать в этом государстве нельзя. Нет и не было ни одного государства, которое бы разрешало всё. Библейский Декалог — это десять запретов. Государство начинается с запрета. Самоё человечество, по Библии, началось с запрета. Пока нет запрета, нет закона — нет и преступления.

Либо надо признать, что государство не может быть идеальным, что это неизбежное зло, либо — стать на позиции анархии. Анархия, в общем-то, — такая же система философских взглядов, как и любая другая. Различие только в том, что государства, плохие или хорошие — реальны, а сколько-нибудь продолжительного периода существования организованной анархии история человечества не знает. Это всего лишь гипотеза. Такая же гипотеза, как и гипотеза о внемном разуме, например. Возможно, где-то и есть разумные цивилизации, но человечеству достоверно об этом пока ничего не известно. Возможно, человечество может существовать и без государства, но пока еще это никому не удавалось.

Правда, В.И. Ленин в 1917 году в брошюре «Государство и революция» высказывал убежденность в том, что *«чем демократичнее “государство”, состоящее из вооруженных рабочих и являющееся “уже не государством в собственном смысле слова”, тем быстрее начинает отмирать всякое государство»*, настаивая на том, что *«вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигенты, и шутить с собой едва ли позволят»*, и поэтому под бдительным надзором этих вооруженных рабочих *«будет открыта настежь дверь ... к полному отмиранию государства»* [7]. Вооружённые рабочие довольно быстро оказались разоружены, что, вероятно, и послужило препятствием к воплощению такой замечательной идеи. Кроме того, как видим, вождь мирового пролетариата не жаловал «сентиментальных интеллигентов», к числу которых относил, за некоторыми исключениями, и писателей. Ленин, разумеется, выразил себя здесь сыном своего времени, продолжив мысль Ф. Энгельса о том, что государство должно будет переместиться в музей древностей вместе с прялкой и бронзовым топором, [8] а также Н. Бердяева, который в 1907 году трактовал государство как одно из искушений дьявола, утверждая, что в жертву государству приносится человеческая личность [9].

Так же гипотетически можно представить себе и государство, в котором вообще нет литературы, то есть, такой социум, который принципиально не нуждается в этой форме

⁷ Ленин В.И. Государство и революция. // ПСС, Т.33. — С.102.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 тт. Т.3. — М., 1983. — С.366.

⁹ Бердяев Н.А. Государство// Власть и право: Из истории русской правовой мысли. — Л., 1990. — С.282

общественного сознания. Тогда возникает вопрос: возможно ли такое государство или же пустующую нишу литературы обязательно займет что-то иное?

Начнём с того, что история земной цивилизации, в её доступном для анализа объёме, не знает случаев отсутствия литературы как явления. Дописьменные цивилизации имели свой фольклор, который можно считать явлением того же порядка, что и литература. Следовательно, по принципу аналогии установить что-либо не удастся. Но не будем падать духом и всё же попробуем вообразить себе такое сообщество.

Если нет литературы как феномена, то в этой воображаемой стране по логике вещей нет также и театра (поскольку нет пьес), нет кино (так как никто не пишет сценариев), нет песенной и разговорной эстрады (в связи с отсутствием стихотворных текстов и текстов реприз), нет оперы (по той же причине) — таким образом, вообще отсутствует аудио-искусство. Из развлечений остается только инструментальная музыка, балет, мимическое искусство и престижизитаторство.

Можно, конечно, сказать, что в наше время эпоха Гутенберга благополучно скончалась, книг никто не читает, началась эпоха видео. Больше того, с появлением Интернета сама необходимость изготовления печатной книги всё более становится анахронизмом, существует масса широко известных писателей, не издавших ни одной печатной книжки. Можно предположить наличие спектакля без предварительной пьесы, фильма — без сценария. Но всё равно это будут произведения словесного искусства. Человек говорящий непременно становится человеком рассказывающим. Тут надо либо представить себе мир глухонемых (которые всё равно пользуются языком), либо мир телепатов, которым не надо ничего друг другу рассказывать, — они и так всё видят и слышат внутренним взором.

Человеческое сообщество не может обойтись без литературы. Тогда, может быть, можно представить себе такое государство, которое вообще не обращает на литературу никакого внимания и не включает в круг своих обязанностей ничего с ней связанного. Не входят же в поле современного государственного правосознания, например, права коллекционеров, собирающих спичечные коробки. Эти коллекционеры могут быть достаточно многочисленны, иметь свою многовековую историю, разветвлённые организации, они могут гордиться своими достижениями в деле собирания спичечных коробков, награждать премиями наиболее выдающихся собирателей, создавать различные теории собирания, группироваться в разнообразные течения собирателей, иметь поклонников и почитателей среди простых не-собирателей — всё это может быть.

Но ни одному властителю и законодателю в мире пока что не пришло в голову каким-то образом определить себя по отношению к собирателям спичечных коробков и плодам их многотрудной деятельности — коллекциям. А ведь эту деятельность вполне, по классификационным признакам, можно отнести к форме творчества. Коллекционер творит свою, неповторимую коллекцию, которая может вызывать чувство эстетического удовлетворения как у него самого, так и у того, кто эту коллекцию рассматривает. Больше того, эту коллекцию можно растиражировать, расширив тем самым круг ее эстетического воздействия. Думаю, что разные коллекции будут иметь различное идейное направление. Каждая из них будет в достаточной степени отражать личность автора. Предполагаю, что может существовать талантливо, даже гениально собранная коллекция, оставшаяся в памяти народной, а может быть и чисто механический, «без божества, без вдохновенья», набор коробок. В общем, коллекционеры столетиями гнут спины, а государство их в упор не видит, прав их не блюдет, наиболее достойных к себе не приближает, чересчур зарвавшихся в ссылку не отправляет. Почему?

А потому что далеко не каждое из искусств в принципе может войти в конфликт с властью. Из престижизитаторов, насколько известно, только Моисей сумел своими магическими штучками настолько надоесть египетскому фараону, что он таки

депортировал евреев из страны. В славном цехе канатоходцев только литературный Тибул из «Трёх толстяков» Ю.Олеши добился известности как ниспровергатель государственных устоев, да и то отнюдь не благодаря своему выдающемуся вестибулярному аппарату.

Возникает вопрос: в какой вообще ситуации может возникнуть конфликт между властью и искусством? Ответ можно попробовать поискать в истории взаимоотношений творца и властителя.

В произведениях, например, русского фольклора, в частности, в богатырских былинах уже есть конфликт между киевским князем и богатырём. Причём, как отмечает исследователь, «в этом конфликте симпатии сказителя — на стороне богатыря» [10]. Аналогично выглядит ситуация и в других эпосах, где Ахилл спорит с Агамемноном, Сид — с Альфонсом, Марко Кралевич — с султаном и т.д. Причину этого конфликта история литературы видит в противоречии «между не желающей себя ничем ограничивать героической самостоятельностью и реализацией в индивидуальном подвиге общенародных эпических целей» [11]. То есть, фольклорный автор, в большинстве случаев — неизвестный, в значительной степени идентифицирующий себя с героем-богатырём, готов идти на конфликт, поскольку высоко ценит именно свою «героическую самостоятельность». Власть же, в свою очередь, стоит на страже «общенародных целей». И те, и другие намерения, в общем, достаточно благие. Поэтому эпическому богатырю, как правило, удаётся примирить свою строптивость с задачей защиты отечества, персонифицированного в лице властителя.

Трудно сказать, кого тут воспитывает автор. С одной стороны, он сам — такой же одинокий герой, как и его богатырь, и потому он не может ему не симпатизировать. Но с другой стороны — сказитель, создавая свой текст, имеет в виду глобальную задачу воспитания патриотических чувств у своих слушателей. В общем, вот такой получается социалистический реализм эпохи Древнего мира, где хорошее конфликтует с лучшим. Не случайно исследователь вынужден подытожить: «эпические конфликты носят неантагонистический характер и получают гармоническое разрешение» [12]. Автор как бы наступает здесь на горло собственной песне, идя на уступку той функции, которая предписана героическому эпосу.

Однако стоило искусству выйти из анонимного состояния, как оно тут же начало настаивать на своей сугубой автономности, суверенности от огосударвленного общества. Государство же в ответ приступило к включению искусства в сферу своего прямого влияния. И вот уже в Древнем Египте администрация фараона инспирирует написание литературных произведений, ставящих целью «укрепить и пропагандировать авторитет фараонов», «желая завоевать симпатии подданных», «воспеть фараона Рамсеса II как героя, как спасителя страны и народа от грозного врага — хеттов» [13].

Задачей шумерской литературы, насколько можно судить по сохранившимся образцам, также было «внушить читателю мысль о божественном происхождении власти III династии Ура и единой от начала мира преемственности этой власти по прямой линии» [14]. Аналогично всё это выглядело и в Древнем Вавилоне. Больше того, в этом государстве властитель не допускал, чтобы такое важное государственное дело как литература шло самотёком. Известно, что Ашшурбанипал, «возможно, сам

¹⁰ Мелетинский Е.М. Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы. Т.1. — М.: Наука, 1983. — С.51.

¹¹ Там же.

¹² Там же. — С.52.

¹³ Коростовцев М.А. Литература древнего Египта // История всемирной литературы. Т.1. — М.: Наука, 1983. — С.69.

¹⁴ Афанасьева В.К. Литература древнего Двуречья // История всемирной литературы. Т.1. — М.: Наука, 1983. — С.85.

принимал участие в составлении собственных анналов или, по крайней мере, редактировал их» [15]. То есть, на самой заре цивилизации государственная власть включала литературу в арсенал средств и методов государственного управления. Начавшись однажды, это продолжалось во все времена и у всех народов.

Психологически это легко объяснимо. Некий абстрактный вожак такой же абстрактной компании становится таковым благодаря каким-то своим личным свершениям. И совершенно естественно, что у него возникает желание, чтобы об этих свершениях знало как можно больше людей, чтобы создавалась аура власти, которая поможет ему совершать новые подвиги, облегчит ему преодоление сопротивления новых врагов. Легенда о непобедимом вожаке будет идти впереди него и повергать в трепет противников. Само собой, если эти легенды будет рассказывать он сам, это будет иметь значительно меньший вес, нежели истории, передаваемые другими. И чем искуснее, живописнее будут эти истории сложены, тем больший авторитет создаётся у вожака. Особый смысл в этих легендах, как известно, имеют подробности. Они придают им художественную достоверность и убедительность. Так в «команде» возникает функциональная обязанность «сказителя». Схема эта легко транспонируется на любой уровень власти, вплоть до наивысшей государственной.

В этой же «команде» неминуемо появляется и оппозиция. Неважно, какова она по происхождению: идеологическая, когда оппозиционер в принципе не согласен с методами руководства лидера, или же властная, когда «теневик» просто хочет перехватить кормило власти, не предлагая ничего нового, но считая, что он лучше справится с руководством. Как следствие, этот «оппозиционер» может заручиться симпатиями «сказителя», который, в свою очередь, начнёт петь совсем иные песни. «Оппозиционер» ведь тоже понимает, насколько важно, чтобы в сознании «электората» возникла необходимая для него установка. Так возникает оппозиционная, протестная литература. И историк фиксирует, например, что в ассирийской, в целом вполне лояльной к власти, письменности «возникает литература, отразившая если не оппозиционные, то, во всяком случае, независимые устремления вавилонского общества, его не укладывающиеся ни в какие догмы духовные запросы» [16]. Это еще далеко не протест литератора против засилья власти, это всего лишь смена вектора. Она подтверждает, что литература прочно входит в комплекс рычагов государственного управления.

Никколо Макиавелли в своё время даже всячески рекомендовал властителям именно привлекать к себе писателей: «Государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одарённых людей, оказывать почёт тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве... более того, он должен располагать наградами для тех, кто заботится об украшении города или государства» [17]. Жан-Жак Руссо внешне как бы вторил Макиавелли, говоря: «Сильные мира сего, любите таланты и покровительствуйте их обладателям!» [18]. Однако лукавил хитрый француз. На самом деле он имел в виду совсем другое. «В то время как правительство и законы охраняют общественную безопасность и благосостояние сограждан, науки, литература и искусства — менее деспотичные, но, может быть, более могущественные — обвивают гирляндами цветов оковывающие людей железные цепи, заглушают в них естественное чувство свободы, для которой они, казалось бы, рождены, заставляют их любить свое рабство и создают так называемые цивилизованные народы. Необходимость воздвигла троны, науки и искусства их

¹⁵ Там же. — С.115.

¹⁶ Там же. — С.117.

¹⁷ Макиавелли Никколо. Государь. — М.: Планета, 1990. — С.69.

¹⁸ Руссо Ж.Ж. Рассуждения о науках и искусствах // Избранные сочинения: В 3 т. М., 1961. Т.1. // Цит. по: Мир философии. Ч.2. — М.: Политиздат, 1991. — С.322.

утвердили» [19]. Именно, что предостерегал Руссо сограждан от коварной силы искусства, способного покорить народы не огнём и мечом, а всего лишь силой слова.

Однако далеко не всегда литература «обвивала гирляндами железные цепи» власти. Например, уже в Древнем Китае появлялись авторы, которые стремились обличать правителей, «не заслуживших, как сказано в обращении к У-вану, “веру в царя у народа”» [20]. Писатели с упорством, достойным лучшего применения, хотели воспитать «хорошего царя», привить ему положительные качества. Г.Р.Державин, в частности, уделял просвещению российской царицы очень много внимания. М.В.Ломоносов то и дело отвлекался от занятий физикой и химией, чтобы напомнить властителям в художественной форме правила хорошего тона. Власти это далеко не всегда импонировало.

Трудно выявить закономерности, которые подвигали литератора вставать на скользкую стезю инакомыслия. Например, Гораций не блистал патрицианским происхождением, в миру был, как известно, в меру трусоват, чего, впрочем, не скрывал. На хлеб первоначально зарабатывал тяжким чиновничьим трудом, потом стал по бедности. То есть, особых личных побуждений к тому, чтобы воспевать Риму хвалы, у Горация, потрёпанного жизнью разночинца, просто не было. Но ведь именно Гораций стал придворным певцом римского императора Августа, всячески его убогатворил, в чем и усмотрел своё бессмертие в литературе, создав многократно перепетые другими поэтами «Eхegi monumentum». Причём оказался на диво способен, написал довольно большое количество гармоничных латинских стихов, от которых страдали впоследствии многие поколения школяров, заучивая их наизусть.

А вот Овидий, напротив, имел все предпосылки к тому, чтобы стать воплощением римской доблести: знатное происхождение, блестящее образование, раннее дарование. А чем кончил? А ссылкой на холодные берега мрачного Чёрного моря, где и умер, естественно, в тоске и печали. За что же? А чтоб не развращал добропорядочных римлянок эпохи императора Августа своей поэтической «Наукой любви». И вот уже в ссылке, в местах жутких и диких (территория нынешних румынских курортов), Овидий становится заядлым протестантом. Но поздно, раньше надо было воспевать императора, а не стройные ножки патрицианок.

По всем параметрам должно было бы быть совсем наоборот: Гораций должен был бы обличать своих угнетателей, а Овидий — восхвалять судьбу и мудрых правителей. Значит, не общественно-политические причины являются показателями, а какие-то другие. Может быть, вообще тут действуют поводы «с точностью до наоборот».

Мещанская среда Бальзака подталкивает его вырваться из неё, стать во что бы то ни стало дворянином, и вот он — Оноре де Бальзак. И уже с высоты своего дворянства он может себе позволить смотреть на мир и государство, этот мир воплощающее, как на «Человеческую комедию».

Если обозреть историю литературы, то писателей, решающихся на открытый конфликт с государством, собственно, не так уж и много. Это, в первую очередь, сатирики. И как раз у сатириков почему-то успешнее всего складывается государственная карьера. Уж им-то, казалось бы, на судьбу пенять совсем не резон. Джонатан Свифт, потомственный англиканский священник, декан собора Святого Патрика в Дублине, почётный гражданин этого города, водил дружбу с известными политиками, причём — противоборствующих партий, как с вигами, так и с тори, в общем, 99 % населения Англии 17-18 веков могли только мечтать о таком общественном статусе. Но как он беспощаден к любимой родине в своих памфлетах!

¹⁹ Там же.

²⁰ Конрад Н.И. Древнекитайская литература// История всемирной литературы. В 9 т. Т.1. — М.: Наука, 1983. — С. 149.

Франсуа Рабле, личный врач кардинала дю Белле, лекарь и шпион короля Франциска I, в силу этого, естественно, далеко не бедствующий, выворачивает в своём пятитомном романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» современное ему общество буквально наизнанку, вынудив Парижский университет публично возмутиться и осудить его.

Франсуа-Мари Вольтер был родом из семьи богатого нотариуса, окончил иезуитский коллеж Людовика XIV, школу правоведения, перед ним открывалась блестящая карьера юриста. И с чего он её начинает? С сатиры на регента Франции герцога Орлеанского. За что совершенно справедливо, в соответствии с действующим законодательством, только что им выученным, удаётся года Бастилии. Но урок молодому правоведу впрок не пошёл, и вся его последующая карьера, как известно, шла прямо поперёк тому, чему его учили.

Что касается Джованни Бокаччо, то он может служить блестящей иллюстрацией предлагаемого тезиса: сын богатейшего флорентийского купца, к торговле проявил полное отвращение, тогда любящий папа отправляет сынка в Неаполитанский университет слушать лекции по юриспруденции — и тут незадача, наука не пошла. Но юный Джованни не теряет, входит в доверие неаполитанского короля Роберта Анжуйского, очаровывает его дочку — живёт полной жизнью. И что же потом? А потом — как это водится у тех, кому эта самая жизнь особо улыбается — пишет «Декамерон», где входит с любящим отечеством в самые интимные отношения, во всех ипостасях и в разнообразнейших позициях.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, дослужившись на государственном поприще до штатского генерала, всё своё свободное от служения отечеству время посвящал, как известно, тому, чтобы это отечество как можно побольнее и посмешнее в своих литературных творениях уязвить.

Александр Галич был одним из самых плодовитых и удачливых советских писателей, но этот бонвиван и жуир решает огненным жалом сатиры выжечь родимые пятна отчизны, а заодно — и свою карьеру литератора. А времена были лихие, почему и оказывается Галич за пределами родины.

На кого из сатириков ни посмотрим, оказывается, что именно от хорошей жизни затевали они свои опасные игры. А ведь не будь этих государств, таких несовершенных, таких вполне заслуженно получавших от знаменитых сатириков звонкие оплеухи, мир не узнал бы всей их гениальности. Они просто не смогли бы реализовать свои возможности, если бы не существовало в современной им действительности всех тех безобразий, над которыми они так заразительно смеялись.

Но еще ни один сатирик не смог похвалиться, что он своими творениями излечил хотя бы одну социальную язву. Сатира вообще вечно актуальна, когда бы она ни была создана. Аристофан писал острозлободневные политические комедии, а их, спустя две с половиной тысячи лет, с успехом экранизируют современные режиссёры. «Ювеналов бич» сатиры в руках нашего современника Михаила Жванецкого не гнётся, не ломается несмотря ни на какие ультрарадикальные изменения в жизни общества.

(Продолжение следует)